

НЕВИДИМЫЙ АККО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Фридман
Невидимый Акко

«Автор»

2026

Фридман Ю.

Невидимый Акко / Ю. Фридман — «Автор», 2026

Это сборник коротких рассказов. Все они про разное время: есть про XII век, а есть про вчера. Есть истории, которые рассказывают птица, джинн и древняя дорога. Объединяет это все древний город на севере Израиля. Пока читаете эту книгу, вы гуляете там со мной.

© Фридман Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рыба еще эта	6
Черная птица	10
Аль Джинни	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юлия Фридман

Невидимый Акко

Рыба еще эта

— Понимаешь, мы решили остаться. Отец, мама, Нур и я. Ну не то, чтобы я что-то решал. Мне в сорок восьмом году было три¹. Но жить тут, работать — это одно. А то, что она хочет Камбала не отвечает, но слушает внимательно. Что хорошо в рыбах — они никогда не перебивают.

Камбала не отвечает, но слушает внимательно. Что хорошо в рыбах — они никогда не перебивают.

Хамед быстрым движением разрезает кожу. Еще три штриха ножом и филе летит в одну сторону, а кости — в другую.

Старик не глядя тянется за следующей рыбой. Пальцы запоминают не хуже, чем глаза. Камбала шершавая, лаврак упругий, чешуйки мелкие, плотно подогнаны друг к другу. У кефали они крупнее... Так, это что еще?!

Впервые за утро Хамед по-настоящему открывает глаза. На деревянной разделочной доске — не то рыба, не то ящерица. Розовая чешуя, на кончиках плавников острые когти. Чувствует себя прекрасно, смотрит злобно и явно ждет подходящего момента, чтобы укусить.

— Шшшшармута! — хрипит старик. Подхватывает тварь за хвост и быстрым шагом идет на пирс. Доски под его ногами дрожат от возмущения. Несчастная рыба уже летит обратно в залив, размахивая плавниками.

Женщина завтракает у себя на кухне. На ее телефон приходит предупреждение о возможном ракетном обстреле. Она быстро собирает семью — мужа, сына, берет на руки маленькую дочь, и они спускаются в бомбоубежище. Звучит сирена.

— Да опять с рыбой со своей ругается. Соус готов?

Хамед действительно злится. Нельзя сейчас работать, от злости еда портится. Лучше сходить на рынок, выпить кофе с Али. Хорошенько обсудить правительство — тут и злость выйдет. И можно будет вернуться на кухню как раз за полчаса до обеда. Проверить, чтобы ничего не забыли.

Прямо, налево через арку, а потом у голубой двери хостела еще раз налево в узкий проход между серых стен. Или можно просто идти на запах.

Это только в книжках восточные базары пахнут специями. На самом деле первым в нос всегда бьет запах уксуса. В нем маринуют овощи для шавармы, да так и оставляют там плавать, чтоб не испортились на жаре. А дальше все зависит от маршрута. Сегодня Хамед идет прямо.

Мимо рядов со сладостями. Из-за закрытых ставен пахнет свежей халвой. Рами, старший внук, любит белую, посыпанную кокосом. А малышка Амаль — шоколадную. Перемажется вся, смеется и убегает. Сколько же лет назад это было? Старик продолжает путь.

Мимо лавки с глиняной посудой, сонно накрытой одеялами, пока не пришел хозяин. Вот сюда, в кофейню.

Хамед ничего не говорит. Просто появляется. Ну, возможно, чуть-чуть наклоняет голову. И в ту же минуту рядом с ним возникает маленький стакан с кофе. А чуть подальше — Али. Хамед толстый. И Али тоже, еще совсем лысый. И любит повторять одно и то же по сто раз. Так что даже хорошо, что Хамед глуховат.

Разговор начинается сразу с середины, потому что начало уже никто и не вспомнит. Хамед находит минутку, чтобы сделать первый глоток. Его прошибает кашель. Дед давится, смешно размахивает руками, проливает кофе на рубашку. Ну вот, в бороде застряли комочки гуши.

Наконец старик выдыхает. Кофе на морской воде. Совсем сдурела. Но сердиться больше не получается и Хамед смеется. Совсем как молодой.

Когда они только познакомились, характер у нее уже был не очень.

Хамеду семь. Он как обычно вышел из дома до рассвета. Сети ползли за ним как два тяжелых вонючих облака. Большие все время хотят спать, а детям сон ни к чему. Переждать его как дождь или как когда мама ругается — и все. Можно на берег.

Он серый и совсем пустой. Вот за тем круглым камнем — лодка. Подошел и вздрогнул. Девчонка. Ухватила за лодку, голову прислонила к доскам, а ноги в воде. Растрепанная, белая, мокрые волосы прилипли к шее.

В портовом Акко любой семилетний ребенок уже насмотрелся на мертвых мужчин. Хамед видел такое три раза. А вот мертвую женицину — впервые, да еще так близко.

Наклонился потрогать мокрую щеку.

Моргнул. Что-то блеснуло над черными камнями, а в следующую секунду он уже вжимал в тощий живот окровавленную руку:

— Сука! — это он выучил недавно, когда в Акко на неделю причалил советский сухогруз — Укусила!

Она молчала. Только смотрела на него длинными белесыми глазами. А черный, как будто облитый нефтью, хвост нервно шлепал по воде. Так и познакомились.

Хотя какое «познакомились»? Имени ее он так и не знает. Похоже, нет его. Воспользовавшись правом первооткрывателя, Хамед назвал ее просто Самака. Рыба.

Умывшись и кое-как почистив рубашку, старик выходит из кофейни. В его голове уже готов план. Сначала к Дани, купить инжира. Самого спелого, такого, который уже к вечеру может забродить. Потом за сигаретами. Взять пачку сигарет покрепче и подешевле. Нравится ей эта дрянь. Старик идет медленно и его снова догоняет воспоминание.

Наутро маленький Хамед немножко боялся идти к морю. Боялся, что ее там не будет. И что будет тоже боялся. Поэтому взял на кухне горсть инжира. В подарок.

Она, видимо, ждала. Потому что, увидев его, улыбнулась. Или оскалилась — он что тогда в этом путался, что сейчас. Подняла на него глаза, а потом взгляд застыл, как будто приклеился.

Звуки пропали, как будто нырнул с пирса. В ушах только движение воды и пузырьков воздуха. А перед глазами сначала темно, а потом тот же берег, только снят снизу. Ноги. Хм, ботинки как у меня. Длинная царапина на правом. Ой, это и есть я! Только какой-то сжавшийся. Камера бросается навстречу, отпрыгиваю. Шевелю губами, прячу руку и видно, что с нее капает кровь.

Она всегда так делает. Не говорит, а показывает свое кино. Когда слух и зрение вернулись, мальчик растерянно моргнул. Зачем-то повторил, что его зовут Хамед, и протянул ей инжир.

Никто в мире не любит фрукты так, как Самака. Долго гладит восковую кожицу хурмы, прежде чем загрызть, легко вскрывает когтем кожуру граната. Ест виноград вместе с костями и веточками. Но инжир вне конкуренции. Лучше всего переспелый. Старик ускоряет шаг.

А какое было у нее лицо, когда Хамед впервые принес украденные у отца сигареты! Ему тогда было десять. Сначала испугалась огня, потом раскалилась от дыма, а потом полюбила на всю жизнь — храбрая маленькая Рыба.

Он объяснял ей про рак легких, но у Самаки, похоже, легких нет.

Старик возвращается на свою кухню счастливым. Прячет покупки в ящик. Ждет вечера.

Ресторан закрывается рано. Ночные гулянки — это не сюда. Сюда люди приходят пообедать с детьми, приводят жен отметить годовщину свадьбы. Пьют арак за удачную сделку.

Хамед гасит свет, закрывает дверь и идет к воде.

Когда Самака в первый раз принесла ему подарок, мальчик сначала подумал, что она хочет его убить. Это была какая-то ржавая железка. Наверное, от корабля. Большая, мятая. И Рыба не передала ее из рук в руки, а кинула как кость собаке. Но все равно это было круто!

Потом она приносила и позеленевшие кольца, и римские монеты. Один раз даже маленькое черное распятие, обмотанное черными водорослями как волосами.

Жена неделю ворчала: «Не держи эту морскую грязь рядом с кроватью. Она воняет!»

Дед улыбнулся воспоминанию. Сел на любимый камень у воды и закурил. Положил пакет с инжиром поближе, развязал. Пусть пахнет.

Они с Рыбой ссорились и раньше. Когда дружба старая, как у них, в ней уже все было и все есть. Но в этот раз получилось иначе. Хуже.

Потому что Амаль он любил больше, чем нужно, с перехлестом. Внучка, самая младшая, самая громкая и смешная. Кудрявая черная макушка, маленькие сандалики. Взяла и выросла. Стала молодой женщиной.

А с женщинами — сложно. Приходит и говорит: я решила, иду в армию. Решила она! По своим стрелять! Да прадед в могиле со стыда сгорел в этот момент. Забыла девка, какая у нее фамилия. Не пойдешь ты никуда, и слышать не хочу.

Рассказал это Самаке в тот же вечер. То ли она по губам читает, то ли прямо из сердца — неважно. Но понимает точно. Ответила этим своим фильмом: отпусти, отвяжись, старик. Пусть идет.

Тут уж Хамед не выдержал и объяснил Рыбе, сколько она понимает про людей, про любовь, про арабский менталитет и еврейскую армию. Добавил что-то про рыбы мозги и, кажется, плюнул.

Она оскалилась, окатила его водой с песком и уплыла. А на следующий день эта тварь на кухне. И кофе с солью.

Уже одиннадцать. Приплывет сегодня? Она любит покурить вместе. И инжир. Одиннадцать десять. Одиннадцать пятнадцать. Ветер шуршит пакетом.

Плеск. Белая когтистая лапка воровато схватила фигу.

Она легко подтягивается на руках и усаживается рядом. Наклоняет голову и заглядывает ему в лицо.

— Не смотри так. Не решил еще. Не знаю.

Черная птица

Когда Салах ад-Дин, да хранит его Аллах, отправил меня в Акру, я решил, что чем-то его обидел. Мне нравилось в Каире. Земли там много, и вся она была нашей. А здесь с одной стороны море, с другой горы, за горами — болото с крокодилами и лихорадкой, потом пустыня. И со всех сторон надо обороняться.

Но султан решил, что ему нужен этот город. Оставленный христианами, разрушенный, затаивший зло. Нужен, так нужен. И вот я третий год считаю налоги, строю стены, разбираю тяжбы о том, что чья-то коза погрызла чей-то гранатовый сад.

Иногда думаешь, проще выдержать атаку тяжелой конницы, чем еще один день. Но работа есть работа. Что там сегодня по плану?

Ага. Купцы с Родоса не хотят платить пошлину и сидят как дураки на своей посудине. Не разгружаются и не уплывают. Что же это за товар такой, который никто не торопится сбыть? Шпионить за моим портом решили. Ну я вам дам возможность получше. Из тюрьмы видно и базар, и центральную площадь, и солдат на стенах. Правда, только из комнаты коменданта. А вас расквартируют в самом вонючем и сыром подвале.

Вместо подписи — печать. Черная птица на сухой ветке, Баха аль-Дин Каракуш¹, наместник Акры.

Что дальше? Доносы. Один, два... пять. Многовато сегодня. Сил нет это читать, посмотрю только имена. Надо же, два про одного и того же человека. Надо будет к этому вернуться.

Так. Бастион обрушился и одного каменщика зашибло насмерть. Двое покалечились. Это я помню, грохот стоял на весь город. Да уж, беда с этим Абу Салибом. То ров у него отклонится от плана и придется заново перекапывать полдунама² земли, то новая кладка треснет, то вот свежееотремонтированный бастион упадет. Но раньше люди не умирали.

Я уже послал за ним человека, но еще не решил, как поступить.

Выглядел архитектор не лучше своего бастиона, ходячая развалина. Начинать с обвинений было глупо. Поэтому я начал с простого вопроса:

— Ты завтракал? Я еще нет. Давай разделим трапезу и обсудим дела.

¹ Каракуш — реальный исторический персонаж, евнух из администрации Саладина. Его имя дословно переводится как «черная птица». Судя по дошедшим до нас документам, он был хорошим администратором и много внимания уделял перестройке укреплений Акры. Но в историю он вошел в другом качестве. Политический противник Каракуша Ибн Мамммати написал о нем памфлет, выставив дураком и опасным безумцем. Особенно досталось Каракушу за судебные решения. Например, в книге Ибн Мамммати есть эпизод, где крестьянин жалуется, что из-за солдата у его жены случился выкидыш. Каракуш приказывает солдату взять на себя все расходы по содержанию женщины и вернуть ее мужу беременной, причем на том же сроке. Когда арабы говорят о вопиющей несправедливости, они часто используют выражение «суд Каракуша».

² Дунам — мера площади на Востоке, равная 0,1 гектара.

Абу Салиб едва заметно кивнул, медленно прикрыв воспаленные глаза. Правильно, это в его интересах. Очень сложно проявлять милосердие на пустой желудок.

Свежие лепешки, белый сыр, немного рыбы с сумахом³ в оливковом масле и горячий рассыпчатый фуль⁴. Когда только приехал, я потратил несколько месяцев, чтобы научить их правильно тушить фасоль. И теперь, слава Аллаху, фуль получается не хуже, чем у меня дома в Египте. Абу Салиб тоже каирец, он оценит.

Снимаю крышку с запотевшего глиняного кувшина и вдыхаю сладкий запах финикового набиза⁵. Ко мне возвращается миролюбие — опасный напиток.

Абу Салиба прислали из Каира год назад. Молодой парень, но хорош настолько, что даже заносчивые старики-ученые без ревности отдавали ему первенство.

К своим двадцати пяти он уже сделал два или три открытия в астрономии, построил султану изящный павильон в розовом саду и подсказал, как расставить осадные машины, чтобы отобрать Акру у неверных⁷. Причем самого города он тогда не видел, только карту. В общем, репутация у парня была прекрасная.

Султан Салах ад-Дин, да благословит его Аллах, еще въезжая сюда, понимал, что христиане не дадут нам покоя. Слишком много денег они оставили тут, слишком удобная гавань что для торговли, что для войны. Когда они клянутся, что вернут Иерусалим — это говорит их безумие. А когда добавляют, что отобьют Акру — это уже голос рассудка.

Султан знал, что просто подлатать дыры в старых стенах мало. Нужно готовиться к нападению. Возможно, к долгой осаде. Перестраивать все укрепления, менять систему подземных ходов, защищать гавань, строить новые цистерны для воды. Вот и выписал из Каира строителя, который творил чудеса.

Но с Акрой у Абу Салиба не задалось. Как будто город, истерзанный его баллистами, теперь мстил молодому инженеру.

— Как его звали?

— Кого?

— Того человека, которому вчера проломил голову камень.

— Его звали Самир, наместник. Я был вчера вечером у него дома и оставил деньги для вдовы. Говорить со мной она не стала.

Значит, все-таки пошел сам. Не испугался. Я налил ему еще набиза.

— Это твоя первая смерть?

³ Сумах — темно-красная приправа. Подходит для мяса, рыбы и салатов, придает кислинку.

⁴ Фуль — крупная красная фасоль. Чаще всего ее тушат в соусе или запекают.

⁵ Набиз — холодный сладкий напиток из сухофруктов.

— Да, саййиди.

— Пообещай мне, что больше не будет. Я не ученый, но думаю, смысл города в том, что люди доверяют своим стенам.

Я делаю паузу, чтобы парень подобрался, набрал воздуха, открыл рот для ответа и перебиваю его:

— ...И, если для этого тебе нужна какая-то помощь, скажи сейчас.

Молчит.

— Хорошо, тогда завтра жду от тебя инженерный отчет. Такой дотошный, чтобы у меня зубы свело. Почему это произошло, во сколько динаров нам обойдется починка и как будем строить новый бастион с учетом твоей ошибки. Понял?

— Понял, саййиди.

— Хорошо, потому что следующий упавший камень убьет уже тебя.

Он снова кивнул и попятился к выходу. Для человека, который только что избежал мучительной смерти, очень странно. Распоряжусь, чтобы за ним наблюдали. Давно надо было это сделать, еще после истории со рвом.

Отчет был дотошным и безжалостным. Абу Салиб не только не пытался переложить вину на кого-то другого, но и перечислял все свои предыдущие промахи. О многих я прочитал впервые.

Хоть бы на погоду пожаловался. На то, что местные камни ни на что не годятся или что денег было недостаточно. Так нет же.

Может, он просто сошел с ума? Слышал, с молодыми дарованиями такое случается. Да нет, вряд ли. Сумасшедшие так не пишут: пункт первый, пункт второй, примечания, чертежи...

— Господин!

Все это придется отложить на завтра. Прямо сейчас в порт заходит корабль из Египта. Что на нем, я знаю заранее — немного золота, гора секретных писем и планов, которые за время плавания прочитали все, кто умел читать. Еще донесения разведки, несколько срочных указаний от султана и один напыщенный дурак, который будет есть и пить со мной, замечать каждую вошь в моих подушках, задавать вкрадчивые вопросы, предлагать деньги слугам, а потом выставит меня перед Салах ад-Дином или шутом, или демоном. Возможно, и тем, и другим. Каждые месяц-два такая проверка. Я еще жив, значит, прохожу их достойно.

— Добро пожаловать в Акру, дорогой Ибн Саддад! Не утомило ли тебя путешествие?

Ужин растянулся до самой ночи. На этот раз посланник султана был человеком приятным. Поговорить с таким — удовольствие.

Поэтому, получив причитающиеся мне приказы, угрозы и намеки, а также выведав все, что удалось, о планах султана, я принялся задавать бесполезные вопросы:

— Неужели на каирском базаре все так же играют в нарды по средам?

— Конечно. Теперь еще и по пятницам!

— А что новые поэты? Есть стоящие?

— Дорогой наместник, я не разбираюсь в таких вещах. Но могу прислать сюда пару модных поэтов со следующим кораблем. Это пойдет бездельникам на пользу.

— Дорогой посланник, смилуйся. Что я буду с ними делать? Мне и с молодым архитектором хватает проблем.

— Ты про Абу Салиба? Да, жалко парня.

— Жалко? Почему?

— Ну он же не сегодня-завтра совсем один останется. Братьев и сестер у него нет, мать умерла. Теперь еще отец.

— Умер?

— Умирает. Врачи говорят, что саратан⁶ уже добрался до печени.

— А есть кому присмотреть за ним?

— Не знаю, дорогой Каракуш. Могу выяснить. По-моему, у него есть слуга и какая-то девчонка на кухне. Дом-то небольшой.

Когда корабль Ибн Саддада скрылся из виду, увозя с собой почти все мое золото и самые сердечные благословения для Салах ад-Дина, да хранит его Аллах, я смог сесть за указ.

Первое. Архитектора Абу Салиба — наградить пятью тысячами динаров за отличную работу. Ведь лучше самим разрушить ветхие стены и отстроить их заново, чем ждать, пока это сделают неверные.

Второе. Отправить его в Каир. Срочно. Чтобы он привез из Египта особый порошок, который сделает строительный раствор тверже железа. Для порошка нужны нильский ил, кости ибиса и благословение каирского кади⁷. Без него нам франков не победить.

⁶ Рак.

⁷ Главный городской судья.

Кажется, даже черная птица на печати смеется над этой белибердой. Отлично, в самый раз. В городе смеяться не будут. Будут глазеть, потом перешептываться. В крайнем случае расскажут детям сказку про то, как Каракуш наградил неудачника.

Зато сын еще раз увидит отца. А наместник Акры впредь сможет принимать любые решения, даже безумные. Эта свобода очень пригодится мне сейчас в чужом городе, где со всех сторон пахнет войной.

Через неделю пришло учтивое письмо от Ибн Саддада. Несколько свежих касыд⁸, дворцовые сплетни. Даже рецепт модной закуски из баранины и граната. С корицей? Ну не знаю.

И в конце: «Дорогой Каракуш, старик умер еще два месяца назад».

Я перечитал письмо еще раз.

Потом посмотрел на черную птицу:

— Накаркала?

⁸ Жанр восточной поэзии. По объему что-то среднее между длинным стихотворением и поэмой.

Аль Джинни

Ну, сюда, сюда, мне! Куда? Ты нормальный вообще? Хорошо, что Ор, пробежав два метра, споткнулся об свою же ногу и промазал. Уфф!

Так, так, отлично, еще немного, ну... Есть! Гооол! Габи — красotka.

— Теперь, когда мы надрали вам задницу, давайте возьмем пиццу и поедим.

— Тоже мне «надрали задницу». Не льсти себе, сладкая. Еле-еле попали один раз по воротам, да и то случайно. Давайте с тунцом возьмем?

— Тунец воняет!

— Это твои ноги.

— Очень смешно. Пошли быстрее, а то они закроются.

Успели. Есть сели прямо тут, на краю площадки, под деревом. Счастливые, голодные. Голоса громкие, а вот ноги устали. Солнце, видимо, тоже устало. И ветер куда-то делся. В воздухе висит незнакомый запах. Что это? Как будто мужские духи.

Я как идиотка кручу головой, пытаюсь найти источник. Никого кроме нас тут нет. Откидываю волосы назад и только сейчас замечаю его — дерево над нами. Это оно так пахнет? Утренним садом, белыми цветами, а еще чем-то теплым и раздражающе тревожным? Да ладно, тоже мне, обычное лимонное дерево.

Прямо над кружком пиццы — окей, над тем, что было кружком пока мы вчетвером на него не набросились — висит здоровенный лимон.

— Спорим, я его достану? — ох, Габи как всегда.

— Не достанешь!

Чертова ветка слишком высоко. Мы прыгаем под ней как на каком-то невидимом батуте. Но даже длинный как палка Ор максимум чего добился — задел лимон кончиками пальцев.

Я стараюсь оттолкнуться как можно сильнее, даже закрываю глаза. Взлетаю. Ай! Больно! Ну вот, поранилась обо что-то. И в ту же секунду мне в ладонь ложится лимон.

Я кричу, я продолжаю прыгать. Но уже от радости. Слизываю капельку крови с запястья. Откуда вообще на лимонах шипы? Кусаю его, прямо через кожуру. Тьфу, блин, горький. Не кислый даже, а горький. Как таблетка обезбола, если разгрызть. Я отплеываюсь, кто-то принес воду. Спасибо. Швыряю чертов лимон под ноги.

— Пошли отсюда!

— Ты идешь вечером на море?

— А кто там будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.